

Научная статья

УДК 347

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.9

Федулина Екатерина Валерьевна

Акционерное общество «ОТЭКО», Москва, Россия,

katty45@yandex.ru

Ахметвалиев Даут Расихович

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

daut@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ КОНТРАКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются актуальные проблемы применения коллизионных норм права в рамках правового регулирования транснациональных договорных отношений. Цель: анализ теоретической структуры коллизионных норм, исследование множественности и конкуренции связующих факторов, проблеме обратных отсылок, несоответствия в толковании и ограничения, связанные с преобладанием обязательных положений и исключений из государственной политики; акцентирование внимания на трудностях, возникающих в рамках многосторонних и цифровых договорных механизмов, включая смарт-контракты и децентрализованные платформы, которые подрывают традиционные концепции локализации и юрисдикции. Результаты: исследование позволило прийти к выводу о том, что классические модели урегулирования конфликтов требуют пересмотра в свете технологических достижений и нормативной фрагментации международного частного права. В статье предлагается концептуальный переход от территориально обусловленных связующих факторов к функционально адаптивным механизмам, подходящим для цифровой правовой среды.

Ключевые слова: международное частное право, коллизионные нормы, транснациональный контракт, применимое право, автономия сторон, отзыв, сверхимперативные нормы, смарт-контракты, правовая фрагментация

Для цитирования: Федулина Е.В. Актуальные проблемы применения коллизионных норм в правовом регулировании трансграничных контрактных отношений / Е.В. Федулина, Д.Р. Ахметвалиев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.9 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 96–104.

Original article

Fedulina Ekaterina Valerievna

Joint Stock Company “OTEKO”, Moscow, Russia,
katty45@yandex.ru

Akhmetvaliev Daut Rasikhovich

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
daut@mail.ru

**TOPICAL ISSUES OF CONFLICT-OF-LAWS RULES’ USE WITHIN THE LEGAL
REGULATION ON CROSS-BORDER CONTRACTUAL RELATIONS**

Abstract. The article examines the topical issues of conflict-of-law rules’ use within the legal regulation of cross-border contractual relations. Purpose: to analyse the theoretical structure of conflict-of-law rules, the multiplicity and competition of connecting factors, the problem of renvoi, interpretive inconsistencies, and the limitations posed by overriding mandatory provisions and public policy exceptions; to highlighting the difficulties arising in multilateral and digital contractual arrangements, including smart contracts and decentralised platforms, which undermine traditional concepts of localisation and jurisdiction. Results: the research allowed concluding that classical models of conflict regulation require revision in light of technological developments and the normative fragmentation of private international law. The article proposes a conceptual transition from territorially-based connecting factors to functionally adaptive mechanisms suitable for the digital legal environment.

Keywords: private international law, conflict-of-law rules, cross-border contract, applicable law, party autonomy, renvoi, public policy, overriding mandatory norms, smart contracts, legal fragmentation

For citation: Fedulina E.V., Akhmetvaliev D. R. Topical Issues of Conflict-of-Laws Rules’ Use within the Legal Regulation on Cross-Border Contractual Relations. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 3, pp. 96–104. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.9.

Введение. Трансграничный частнопредметный оборот давно перестал быть исключением и превратился в устойчивую реальность деловой жизни, тогда как его нормативная основа по-прежнему остаётся глубоко фрагментированной. Государства по-разному определяют содержание ключевых договорных институтов, а их правовые системы строятся на несводимых к единому знаменателю культурных, аксиологических и процедурных основаниях. В этой нормативной мозаике именно коллизионные нормы выполняют функцию навигационного инструмента, позволяющего определить применимое право в трансгра-

ничной сделке и таким образом обеспечить её юридическую легитимность, состоятельность и предсказуемость.

Коллизионное регулирование: актуальные правовые вызовы. Коллизионные нормы, несмотря на их устоявшийся статус и внешнюю формальную нейтральность, сегодня сталкиваются с рядом серьёзных проблем как концептуального, так и прикладного порядка.

Во-первых, в условиях роста количества трансграничных контрактов, коллизионные нормы оказываются под давлением конфликтующих юрисдикционных интересов, множества потенциально применимых правопорядков и усложняющейся конструкции договорных связей. Во-вторых, появляются качественно новые формы отношений, порождающие сопутствующие сложности в применении традиционных привязок вроде «места заключения» или «наиболее тесной связи». В-третьих, формально схожие коллизионные нормы разных правопорядков (например, ЕС, США, России, Китая) часто приводят к противоположным результатам, что подрывает базовую функцию коллизионного регулирования – достижение нормативной определённости. В условиях, когда автономия воли сторон далеко не всегда реализуется либо оказывается ограниченной императивными нормами и публичным порядком, правоприменитель оказывается в положении, требующем критического и обоснованного выбора между конкурирующими логиками правоприменения.

Коллизионные привязки, являясь одним из основополагающих институтов международного частного права, обеспечивают возможность нормативной связности между автономными национальными правовыми системами. Их основная функция заключается не в унификации материальных норм, регулирующих содержание частноправовых отношений, а в установлении юридической модели, механизма, посредством которого определяется применимое право в трансграничной ситуации. По своей правовой природе коллизионное регулирование не предписывает конкретное поведение, не создаёт прав и обязанностей в прямом смысле, но формирует процедурную оболочку, в рамках которой решается проблема выбора применимого права.

Вопрос о «строении» коллизионной нормы остается дискуссионным. В отечественной литературе доминирует двухчленное понимание («объём и привязка»), но встречается и трёх- и даже четырёхчленная модель, включающая гипотезу, диспозицию (или привязку) и отсылку или санкцию [1, с. 39]. Классическая доктрина, восходящая к пандектной системе и наследию Савиньи, исходила из презумпции объективной привязки – то есть поиска наиболее естественной, тесной и рационально обоснованной связи между правоотношением и правовой системой, что объясняет устойчивость таких категорий, как «наиболее тесная связь» или «действительный центр тяжести».

Однако с конца XX века наблюдается устойчивая трансформация коллизионной нормы от концепта нормативной нейтральности к инструменту норма-

тивной политики. В современных правопорядках коллизионные нормы перестают быть сугубо техническими алгоритмами разрешения конфликта прав и начинают выполнять функцию трансляции ценностных ориентиров. Всё чаще в их структуру встраиваются как диспозитивные, так и императивные элементы, направленные на защиту слабой стороны договора, ограничение злоупотреблений автономией воли, приоритетное применение определённых обязательных норм независимо от выбора сторон. Особенно ярко это проявляется в системе европейского коллизионного права, например, в Регламенте «Рим I», где принцип формального выбора права сбалансирован системой защитных механизмов, направленных на предотвращение нормативного дисбаланса. Коллизионная норма в таких случаях перестаёт быть «нейтральным направляющим», а становится выражением внутренней правовой политики государства или надгосударственного образования.

Современное коллизионное регулирование также всё активнее взаимодействует с нормами и принципами так называемого мягкого права, среди которых особое значение приобретают Принципы УНИДРУА, Гаагские принципы по выбору права, а также модельные акты Комиссии ООН по праву международной торговли. Хотя эти источники не обладают обязывающей юридической силой в формально-догматическом смысле, их роль в практике правотворчества и правоприменения непрерывно возрастает, поскольку они служат ориентиром при разработке национальных и международных коллизионных норм и активно используются в качестве вспомогательных средств при толковании, заполнении пробелов, формировании арбитражной и судебной практики. При этом, однако, выбор сторонами лишь указанных источников будет свидетельствовать о сохранении потенциальных проблем в вопросе определения права, подлежащего применению [2, с. 241].

Практическое применение коллизионных норм в трансграничных контрактных отношениях нередко сопровождается целым спектром методологических и процедурных затруднений. В условиях нормативного плюрализма, различий в юридической квалификации, а также разной степени нормативной гибкости национальных систем, одна и та же коллизионная формула может привести к диаметрально противоположным результатам. Проблема начинается уже на уровне множества потенциально применимых привязок: место заключения договора, место его исполнения, национальность или домицилий сторон, регистрация юридического лица – все эти критерии, будучи формально равноправными, в конкретной ситуации могут вступать в конкуренцию. Стороны могут потерять уверенность в том, какое право действительно будет использовано судом или арбитражем, особенно если отсутствует чёткая оговорка о выборе права.

Сложности усиливаются в ситуациях, когда стороны не реализовали своё право на выбор применимого права. В подобных случаях суд или третейский суд вынужден самостоятельно определить наиболее тесную связь, что нередко становится зоной судебного усмотрения и приводит к высокой степени непред-

сказуемости. Кроме того, даже при наличии выбора стороны не застрахованы от возникновения так называемой проблемы *renvoi* – отсылки к коллизионной норме другого государства, которая в свою очередь может отослать к третьей системе права или вернуть дело обратно. Хотя в теории большинство современных правопорядков стараются исключить *renvoi* в контрактной сфере, на практике вопросы отсылки продолжают возникать, особенно при столкновении материального и коллизионного уровней правоприменения [3, с. 53].

Особое внимание заслуживает проблема расхождения в квалификации понятий. Коллизионное регулирование строится на предпосылке, что все системы права одинаково интерпретируют ключевые юридические категории: «договор», «обязательство», «добросовестность», «имущественный интерес». Однако в действительности эти понятия подвержены национально-правовой интерпретации, и одно и то же поведение сторон может трактоваться по-разному в зависимости от применимого права. Это порождает феномен квалификационного конфликта, особенно ярко проявляющегося в арбитражной практике, где арбитры нередко вынуждены «переводить» поведение сторон с языка одной правовой системы на язык другой, не нарушая при этом согласованной логики сделки.

Проблемы усугубляются и в многосторонних, каскадных или многоуровневых договорах, где участвуют более двух сторон, находящихся под юрисдикцией различных государств. Возникает вопрос: какая система права применима к каждому элементу сделки – к основной конструкции, к отдельным обязательствам, к дополнительным соглашениям? Отдельные правопорядки могут признать право сторон выбирать применимое право отдельно для каждого элемента договора (например, США, Англия, Россия), в то время как другие – настаивать на единстве применимого права ко всему договору в целом (например, Германия). В результате возникает неустранимый конфликт логик: или жертвуется целостность конструкции, или нарушается автономия соглашения [4, с. 66].

В практическом аспекте данные проблемы поднимают вопрос о необходимости переосмысления содержания коллизионных норм и методов их применения. Судебная и арбитражная практика демонстрирует, что даже самые совершенные формулы остаются уязвимыми перед многообразием жизненных ситуаций и нормативной многослойностью. Появляется потребность в более гибких инструментах интерпретации, усилении роли мягкого права и развитии согласительных механизмов определения применимого права, особенно в сфере цифровых контрактов, кроссплатформенного взаимодействия и многостадийных транзакций. Коллизионным нормам, которые остаются в своей основе механизмом юридической логистики, надлежит развиваться в направлении адаптивности, гибридизации и концептуальной прозрачности.

Применение коллизионных норм неизбежно сталкивается с установленными пределами, продиктованными как внутренними потребностями правопорядка, так и международными гарантиями нормативной целостности.

Одним из важнейших механизмов ограничения выступает институт публичного порядка (*public policy, ordre public*), который позволяет государству отказать в применении иностранного права, даже если оно прямо указано в коллизионной норме, в случае если результат такого применения противоречил бы основополагающим началам национального правопорядка. Это положение, по своей сути, представляет собой юридическую «клапанную систему», которая охраняет правовую идентичность государства от чрезмерного внешнего влияния, при этом сохраняя саму структуру коллизионного регулирования [5, с. 87].

В разных правовых системах границы публичного порядка очерчены по-разному – от узкого прочтения в духе процессуального национализма до расширительных толкований, охватывающих широкий спектр моральных, социальных и экономических установлений. Особенно остро это проявляется в сфере международных договоров, касающихся трудовых отношений, брачно-семейных обязательств, защиты потребителя, а также в случаях, затрагивающих антикоррупционные, антимонопольные или санкционные положения. Следует отметить, что в европейском праве, особенно в рамках Регламента «Рим I», институт *ordre public* функционирует как исключительный механизм, призванный использоваться с крайней осторожностью, тогда как в некоторых юрисдикциях (например, в странах общего права) границы публичного порядка нередко используются как активный инструмент переоценки иностранного правопорядка¹.

Вторым важнейшим ограничением выступают свехимперативные нормы (*overriding mandatory provisions*), которые применяются независимо от содержания коллизионной нормы и даже вопреки воле сторон [6, с. 2341]. Императивные нормы защищают интересы, признанные настолько значимыми, что требуют безусловного соблюдения: например, положения о валютном контроле, трудовые гарантии, санитарные, экологические и иные правила, направленные на защиту общественного порядка или экономического суверенитета. Императивные нормы, в отличие от *ordre public*, не блокируют применение иностранного права *постфактум*, а действуют в качестве позитивной замены, подлежащей применению по самому факту связи правоотношения с данной юрисдикцией. В практике арбитража и государственных судов вопрос о границах действия таких норм остаётся открытым, особенно в случаях, когда дело рассматривается в нейтральной юрисдикции, а сторона пытается ввести в оборот нормы третьего государства.

Ограничения в применении коллизионных норм также проявляются в необходимости защиты слабой стороны договора. Особенно это актуально в договорах с участием потребителей, работников, арендаторов и других уязви-

¹ Регламент (ЕС) № 593/2008 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I») [Электронный ресурс] /| Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040001> (дата обращения: 15.07.2025).

мых категорий. Во многих юрисдикциях допускается ограничение действия автономии воли и, соответственно, неприменение выбранного сторонами права, если это ведёт к ущемлению установленных гарантий. Так, Регламент «Рим I» прямо закрепляет, что в случае выбора права, отличного от права страны проживания потребителя, применяются положения, предоставляющие более высокий уровень защиты.

В совокупности все эти ограничения очерчивают границы действия коллизионных норм как инструмента трансграничного регулирования. Их целью является защитить баланс между юридической гибкостью и фундаментальными правовыми интересами национального правопорядка. Они служат напоминанием о том, что даже в пространстве частного права автономия правовых решений не является абсолютной: она допускается постольку, поскольку не вступает в конфликт с ценностями, которые правопорядок считает не подлежащими компромиссу.

Цифровизация трансграничных контрактов является еще одной проблемой частноправового регулирования. Если классическая модель коллизионной нормы предполагала наличие материального центра тяжести правоотношения, выраженного через территориальные, личные или экономические связи с тем или иным правопорядком, то в условиях цифровой среды эти ориентиры утрачивают прежнюю однозначность. Контракт может быть заключён в распределённой системе, исполнен через алгоритмическую платформу, зарегистрирован в смарт-формате на блокчейне и не иметь чёткого «места» не только в юридическом, но и в физическом смысле, что ставит под сомнение применимость традиционных привязок и требует разработки новой коллизионной логики, учитывающей нефизическую локализацию юридических фактов [7, с. 126].

Одной из наиболее острых проблем является коллизионная квалификация смарт-контрактов. Такие договоры заключаются и исполняются в рамках само программируемых алгоритмов, а их условия выражены в коде, а не в юридически привычных терминах. Возникает вопрос: какое право регулирует такой контракт, если его стороны идентифицируются по криптографическим адресам, исполнение автоматизировано, а сама инфраструктура распределена по множеству узлов в разных юрисдикциях? Привязка к месту заключения теряет актуальность, равно как и концепция места исполнения. Проблематичной становится и отсылка к месту нахождения сервера или регистратора – как минимум потому, что это технически переменная и юридически неустойчивая категория. Таким образом, коллизионная норма оказывается в ситуации, когда у неё нет традиционного объекта привязки, а следовательно, нарушается её базовая логика.

Дополнительную сложность представляет собой коллизионная квалификация цифровых платформ, выступающих в роли посредников или инфраструктурных субъектов, через которые осуществляется договорное взаимодействие. Контракт может быть заключён через маркетплейс, исполнен через финтех-

сервис, зафиксирован через облачное хранилище, и при этом каждое из этих звеньев может быть локализовано в разных правовых пространствах. Коллизионные нормы не всегда в состоянии охватить такую полисистемную структуру. Применение разных привязок к разным частям одного и того же контракта может привести к нормативной фрагментации, а попытка определить одно применимое право – к игнорированию реальной многослойности правоотношения. Совокупность обозначенных факторов указывает на возникшую потребность в новом поколении коллизионных подходов, способных работать с динамическими цифровыми связями, включая платформенную юрисдикцию, место хранения данных, юрисдикцию технологического посредника.

Заключение. Современное коллизионное право сталкивается с кризисом применимости: глобализация, расслоение правовых систем, санкционная составляющая, а также цифровизация размывают привычные критерии связи между правоотношением и правопорядком. Традиционные привязки – место заключения, исполнения, регистрации – всё чаще теряют смысл в условиях смарт-контрактов, платформенных сделок и распределённых сетей. Вместо устойчивых ориентиров возникает ситуация правовой множественности и методологической неопределённости, в которой коллизионная норма перестаёт быть нейтральным техническим инструментом и превращается в акт юридической навигации на фоне усиливающегося значения ограничительных механизмов.

Список источников

1. Колобов Р.Ю. К вопросу о правовой норме в международном частном праве / Р. Ю. Колобов // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 1. – С. 35–41.
2. Шаравина Д.А. Сущность автономии воли сторон в международном частном праве / Д.А. Шаравина // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 27. – С. 239–247.
3. Пирцхалава Х.Д. Развитие института обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства в современном международном частном праве Российской Федерации / Х.Д. Пирцхалава // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2015. – № 2. – С. 52–56.
4. Антонова Е.И. Автономия воли сторон в договорных отношениях между субъектами права разных государств / Е.И. Антонова // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2008. – № 1. – С. 64–73.
5. Растегари С. Публичный порядок и его роль в допустимых ограничениях прав человека / С. Растегари // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 21 (63). – С. 83–88.
6. Засемкова О.Ф. К вопросу о применении сверхимперативных норм международного частного права судами / О.Ф. Засемкова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 10 (47). – С. 2341–2345.

7. Трунцевский Ю.В. Смарт-контракт: от определения к определенности / Ю.В. Трунцевский, В.В. Севальнев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 118–147.

References

1. Kolobov R.Y. Legal Norm in International Private Law Revisited. *Siberian Law Herald*, 2005, no. 1, pp. 35–41. (In Russian).

2. Sharavina D.A. The Essence of the Autonomy of the Will of the Parties in Private International Law. *Russian Justice Issues*, 2023, no. 27, pp. 239–247. (In Russian).

3. Pirtskhalava Kh.D. Development of the Institution of Renvoi and Double Renvoi in the Modern Private International Law of the Russian Federation. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2015, no. 2, pp. 51–55. (In Russian).

4. Antonova E.I. Party Autonomy in Contractual Relations Between Subjects of Law from Different States. *Bulletin of the Cheboksary Cooperative Institute*, 2008, no. 1, pp. 64–73. (In Russian).

5. Rastegari S. Public Policy and its Impact to Permissible Restrictions of Human Rights. *Problems of Modern Science and Education*, 2016, no. 21 (63), pp. 83–88. (In Russian).

6. Zasemkova O.F. Regarding the Application of Private International Law Super-Binding Rules in Legal Proceedings. *Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 10, pp. 2341–2345. (In Russian).

7. Truntsevsky Yu.V., Sevalnev V.V. Smart Contract: From Identification to Certainty. *Law Journal of the Higher School of Economics*, 2020, no. 1, pp. 118–147. (In Russian).

Информация об авторах

Федулина Екатерина Валерьевна – кандидат юридических наук;

Ахметвалиев Даут Расихович – аспирант кафедры гражданского права Института права

Information about the Authors

Fedulina Ekaterina Valerievna – Candidate of Sciences (Law);

Akhmetvaliev Daut Rasikhovich – Postgraduate Student of the Chair of Civil Law, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 31.07.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 15.09.2025.

The article was submitted 31.07.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 15.09.2025.